

Иван Никифорович Зарубин-Чика

Иван Никифорович Зарубин (по прозвищу Чика) принадлежал к той части яицкого казачества, которая без малейших колебаний активно поддержала Пугачева в самый момент зарождения восстания.

Всего только через три месяца после начала крестьянской войны, под Уфой, в селе Чесноковке, образовался второй по значению и едва ли не равный Берде по масштабам деятельности центр восстания, во главе которого встал Иван Зарубин, один из тех яицких казаков, которые окружали Пугачева во время оглашения им первого манифеста от имени царя Петра III и, возможно, принимали участие в его составлении. С самого начала восстания, и особенно с декабря 1773 г., до момента пленения в марте 1774 г. Зарубин-Чика являлся одним из самых выдающихся руководителей крестьянской войны 1773—1775 гг. Именно этот короткий период, когда борьба эксплуатируемых классов превратилась в восстание против крепостного гнета и его носителей, переросшее по размаху, упорству, длительности и степени организованности все предшествующие крестьянские выступления и войны, стал вершиной биографии Зарубина, а его самостоятельная деятельность в напряженную зиму 1773/74 г., равно как и в составе Главного, или Большого, войска Пугачева осенью 1773 г., поставила Чика в один ряд с самыми крупными героями многовековой борьбы угнетенного народа России против крепостнической эксплуатации.

Участие яицкого казачества в крестьянской войне не было ни случайным, ни временным. И по происхождению, и по социальным чаяниям казачество было неразрывно связано с угнетенным народом, страдающим от крепостного права и крепостнической эксплуатации, от беззакон-

ния, произвола и надругательства властей, от голода и нужды. Все это гнало трудовой люд из центральных областей русского государства, где крепостной гнет был особенно жесток, на окраины страны, на обширные пространства вольных земель. Здесь легче было укрыться от преследования властей, так как правительственный аппарат был слабее, чем в центре. Именно на окраинах, в том числе и на Яике, постепенно складывалась, главным образом из числа беглого трудового люда, особая казацкая организация, со своим особым вольным казацким строем. «Христианская казацкая республика»,⁷ на практике осуществившая многовековой крестьянский идеал — вольный человек на вольной земле, — и в XVIII в. продолжала притягивать к себе беглых людей, стремившихся избавиться от крепостного гнета.

Однако уже с середины XVIII в. положение изменилось даже и здесь, на далекой окраине. В 1744 г. оренбургский губернатор получил полную власть над яицким казачеством. Казаки лишились своих давних прав и привилегий. Была отменена выборность войсковых атаманов, которые назначались теперь правительством. Суд на Яике чинили царские судьи, казаков подвергали телесным наказаниям. Все более обременительной становилась и служба как на укрепленных линиях яицкого казачьего войска, так и на далеком Северном Кавказе, в Кизляре и даже в составе Московского легиона, формируемого в связи с турецкой войной.

Под напором крепостнического государства резко ухудшалось и экономическое положение. Рыболовство, являвшееся основным занятием яицкого казака, было значительно ограничено объявлением ловли рыбы в Яике государственной монополией. Теперь казаки вынуждены были арендовать у государства рыбные угодья.

Все больше давало о себе знать и имущественное расслоение в среде самого яицкого казачества. Антагонизм между казачьей массой и богатой верхушкой привел во второй половине XVIII в. фактически к полному расколу некогда единого казачества на два открыто враждебных друг другу лагеря: «непослушная», или «войсковая сто-

⁷ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, с. 154.

рона» (около 2800 казаков), и «послушная», или «старшинская сторона» (около 500 казаков).

Положение особенно обострилось в 1769—1771 гг., когда царское правительство потребовало назначения казаков в Московский легион и Кизляр. Следственная комиссия генерала Траубенберга, назначенная для рассмотрения жалоб казаков, повела дело столь решительно и грубо враждебно по отношению к казакам «войсковой стороны», что это привело к восстанию на Яике, начавшемуся 13 января 1772 г. Уже в самом начале этого восстания генерал Траубенберг, войсковой атаман Тамбовцев и другие представители «старшинской стороны» были убиты. Восстание казаков фактически продолжалось около полугода. Лишь 3 июня 1772 г. войска генерала Фреймана, посланные оренбургским губернатором Рейнсдорпом, разгромили казаков у деревни Ембулатовки и 7 июня вступили в Яицкий городок. Здесь сразу же начались репрессии. Взамен ликвидированной войсковой канцелярии была учреждена комендантская. Упраздненным был и войсковой круг. Яицкое казачье войско оказалось в ведении полковника Симонова, назначенного комендантом в Яицкий городок.

Оренбургская следственная комиссия по делу о восстании 1772 г. вынесла приговор, который был приведен в исполнение в июле 1772 г. 85 казаков были биты кнутом. У некоторых вырвали поздри. Вместе с семьями их сослали в Сибирь. Кроме того, на яицкое казачье войско был наложен огромный денежный штраф в 36 757 рублей. Не избежал жестокого наказания и сам Зарубин. Ведь позднее в разговоре с Пугачевым он прямо говорил о себе как о «причинном человеке», не раз подвергавшемся телесным наказаниям. Казаки лишились права покидать Яицкий городок. От былой казацкой вольности остались одни воспоминания.

Именно в этой напряженной до предела обстановке на Яике впервые появился Пугачев, и эта обстановка предопределила ту поддержку, какую он получил от казаков «войсковой стороны», наиболее радикально настроенным представителем которых был Иван Никифорович Зарубин.

Зарубин, будучи племянником одного из предводителей восстания 1772 г., Ивана Ульянова, и сам принимал в нем участие. Ему к этому времени было уже 36 лет, и надо полагать, что казацкое восстание 1772 г. оказалось

для него своеобразной школой борьбы, не только предопределившей его позицию в начавшейся немногим более чем через год крестьянской войне 1773—1775 гг., но и подготовившей его к самостоятельным действиям в качестве одного из выдающихся сподвижников Пугачева.

7 июня 1772 г., в день вступления карателей под командованием генерала Фреймана в Яицкий городок, Зарубин был арестован и обвинен в том, что он «послан был» навстречу карателям «для присмотру следующего ... войска», т. е. в разведку. После того как 27 июня Зарубина выпустили из тюрьмы на поруки, он, оставив в Яицком городке жену, детей и родителей, скрылся на длительное время на Узени. Здесь он оказался не один, а вместе со своим двоюродным братом Ильсёй Ульяновым, также ставшим впоследствии одним из активных участников крестьянской войны, и другими казаками «войсковой стороны».

Его возвращение в Яицкий городок, возможно, связано было со слухами о «царе Петре III», которым объявил себя в Царицыне крепостной крестьянин Федот Богомолов, вскоре после этого арестованный, и о первом появлении на Яике Пугачева.

С обещанием Пугачева вернуться весной 1773 г., о котором Зарубин узнал от казаков, встречавшихся с будущим предводителем крестьянской войны, Зарубин и другие решительно настроенные казаки связывали возможность возобновить борьбу. Позднее Зарубин говорил: «Мы же де, казаки войсковой стороны, все уже о том думали и дожидались весны; где ни сойдемся, говорили войсковые все: „Вот будет государь!“ И как придет, готовились его принять». Недаром сам Зарубин после занятия Фрейманом Яицкого городка припрятал знамя, под которым восставшие казаки сражались у Ембулатовки, рассчитывая на то, что оно «изгодится».

Пугачев, однако, весной 1773 г. не появился на Яике, а приехал лишь в самом конце августа. В это время, практически в первые же дни вторичного приезда Пугачева на Яик, Зарубин познакомился с ним, твердо решившим возглавить восстание под именем Петра III, и сразу же примкнул к начавшейся крестьянской войне.

На Таловый умет Степана Оболяева, где остановился Пугачев, Зарубин прибыл вместе с казаком Т. Мяснико-

вым и встретился здесь с казаками Д. Караваевым и М. Шигаевым. Таким образом, Зарубин был в числе тех первых яицких казаков, которые поддержали намерение Пугачева начать восстание и сформулировали вместе с ним основные его цели и задачи.

«Уговоры, чем жаловать казаков», происходившие на Таловом уме, закончились тем, что казаки признали Пугачева императором Петром III и обещали ему поддержку яицкого казачьего войска в начинающейся борьбе. Имеются, однако, все основания утверждать, что Зарубин, так же как Мясников, Караваев, Шигаев и некоторые другие казаки, не был введен Пугачевым в заблуждение относительно его настоящего имени. Позднее, на допросе, Зарубин прямо сказал о тех сомнениях, которые у него возникли уже во время первой встречи: «... по лицу и образу счел, что ему государем быть нельзя». Эти сомнения он сразу же изложил Караваеву, который оказался первым лицом, сообщившим Зарубину, что «ето де не государь, а донской казак». Вскоре Зарубин рассказал Пугачеву о своем разговоре с Караваевым и получил от него окончательное подтверждение: «Ну, коли так, то смотри же, держи в тайне: я де подлинный донской казак Емельян Иванов. Не потаил де я о себе и сказывал Короваяву и Шыгаеву, также Пьянову». Более чем через год, на допросе в декабре 1774 г., Пугачев вполне определенно говорил об яицких казаках, которые «точно знали, что он не государь, а донской казак, ибо он сам от Шигаева настоящего своего имени не таил».

Почему в таком случае Зарубин все же «положил приять его [Пугачева] государем»? Почему яицкие казаки «о подлинности ево не рассудили испытывать» (Я. Почиталин)? Чем руководствовались они, решив «ево зделать над собой властелином» (М. Горшков)?

Объяснение этому следует искать в той напряженной обстановке, которая сложилась к концу лета 1773 г. на Яике. Именно тогда Пугачевым была вновь выдвинута и довольно определенно сформулирована программа, полностью отвечающая стремлениям и чаяниям яицкого казачества, за реализацию которой оно фактически боролось в ходе подавленного годом ранее восстания: «Жалую вас рекою Яиком и всеми притоками, рыбными ловлями, землею и угодьями, санными покосами безденно и безпошлинно; я распространю соль на все четыре стороны, вези

кто куда хочет, и буду вас жаловать так, как и прежние государи, а вы за то мне послужите верою и правдою».

В прошлом, в частности в ходе восстания 1772 г., казаки пытались апеллировать к Екатерине II, однако ничего этим не добились, а восстание было подавлено по указанию императрицы с чрезвычайной жестокостью. Теперь, утратив веру в справедливость Екатерины II, яицкое казачество получило возможность противопоставить императрице-узурпатору «законного» царя «Петра III», а то обстоятельство, что таким царем становится свой брат казак, лишь укрепляло веру казаков в возможность добиться в восстании под его предводительством реализации согласованной с ним программы.

Поэтому, хотя руководители вновь поднимающихся на борьбу казаков знали, что Пугачев не является действительно законным государем, они решили все же, по словам Горшкова, «ево зделать над собою властелином и восстановителем своих притесненных и почти упавших обрядов и обычаев». У Зарубина-Чики также не было особых сомнений; он «положил принять его [Пугачева] государем», потому что «нам де все равно, лишь быть в добре».

Что означало лично для Зарубина «быть в добре», он сам на одном из допросов раскрыл с едва ли не исчерпывающей полнотой. Объясняя причины того, что он, «положа уже так свои мысли, самозванцу и усердствовал», Зарубин ссылался на частые разговоры с Пугачевым «в разные времена» — и «в Берде, и прежде, как еще дорогою к городку Илеку шли». В этих беседах Пугачев излагал свою программу действий на довольно длительный срок. Он обещал, что, «взяв Оренбург, придет в Москву, примет там престол». «А государыню, — говорил Пугачев далее, — в монастырь сошлю и, утвердясь на царство, буду де старатца, чтобы все было порядочно и народ не отягощен был; от дворян ... деревни лудче отнять ... вас же, яицких козаков, буду жаловать всякою вольностию и деньгами».

Вот почему Зарубин говорил Караваяву: «Так тому и быть, ибо всему войсковому народу то было надобно». Конечно, и в этой позиции яицких казаков проявились наивно-монархические иллюзии, согласно которым успешная борьба за власть возможна лишь под знаменем царя, хотя бы он был и подставным лицом. Более того, позиция, занятая Зарубиным и другими казаками, доподлинно знав-

шими, кем в действительности является человек, выдававший себя за императора Петра III и признанный ими, несмотря на это, царем, в значительной степени содействовала укреплению наивно-монархических иллюзий у примкнувших к восстанию масс крестьянства, казачества, горнозаводских рабочих, нерусских народностей. Фактически Пугачев приобретал благодаря этому известную самостоятельность и независимость от активно поддерживавших его и сильно на него влиявших яицких казаков.

Наблюдательный Зарубин прекрасно разобрался в характере отношений между «Петром III» и его «подданными». Когда на допросе в ответ на упоминание о строгости и даже некоторой жестокости Пугачева, жертвами которой становились и его приближенные, Зарубина спросили, не мог ли он, видя «от самозванца такую строгость», «ево убить», Зарубин ответил с полным пониманием дела: «... так сделать уже нам никак было не можно, ибо ... он так властвовал, что боялись о том и подумать... а естли бы ево убили, так, узнавши б, многие бы и против нас восстали, ибо в окрестностях его гнезда, даже до Нагайбаку, все так об нем были уверены, что он подлинно государь, и редкой невольник был в ево толпу взят, по большей части сами прихаживали всякой день толпами».

Зарубин-Чика, как видим, хотя и не заблуждался относительно истинного имени «Петра III», все же с самого начала признал его предводителем крестьянской войны и сразу же решительно и бесповоротно встал под знамена зарождающегося восстания. Эта позиция Зарубина не была поколеблена неоднократно предпринимавшимися попытками склонить его к переходу в правительственный лагерь. Так, например, когда во время осады Оренбурга лично Зарубину «отдано было» «увещевание от яицкого старшины Бородина, чтоб он от злодея отстал и пришел в покорность и раскаяние к всемилостивейшей государыне, почему и прощен будет», он, как потом об этом сам рассказывал, «в мыслях своих пренебрег оное», потому что «не хотел отстать» от Пугачева.

Именно он, Зарубин-Чика, предложил в день своего первого знакомства с Пугачевым взять его «на свои руки», так как на Таловом уме оставаться было опасно. На следующее утро Зарубин вместе с Мясниковым повез Пугачева на хутор к братьям Кожевниковым. Следует вообще отметить, что Зарубин с этого момента стал прояв-

лять большую инициативу, и многие действия Пугачева до середины сентября 1773 г., до провозглашения первого манифеста, были подсказаны ему Зарубиным, ставшим одним из ближайших помощников предводителя восстания.

Днем позже Зарубин вызвался поехать в Яицкий городок, чтобы «объявить» о «Петре III» «надежным людям». Возвратившись из этой поездки, он привез казацкое знамя, чем очень обрадовал Пугачева. Как видим, Зарубин проявил большую проницательность, спрятав в 1772 г. знамя, под которым сражались казаки с царскими войсками у Ембулатовки.

Вслед за тем Зарубин вместе с Пугачевым и некоторыми другими казаками покинул хутор Кожевниковых, так как пребывание там было небезопасным, и десять дней провел на реке Усихе. Когда выяснилось, что и здесь оставаться рискованно, они тронулись в путь, и Пугачев спросил Зарубина, ехавшего рядом с ним, куда он ведет, на что последовал ответ: «Поедем ... в Толкачева хутор, а когда ... можем собрать столько, чтобы появиться к городку, так думать нечего, поедем туда со славою». По дороге к хутору Толкачевых 15 сентября 1773 г. был написан И. Почиталиным первый пугачевский манифест.

А Зарубин продолжал активно действовать. Он вместе с Тимофеем Толкачевым собрал на хуторе к утру 16 сентября казаков. После неоднократного чтения перед собравшимися казаками манифеста отряд Пугачева, увеличиваясь с каждым днем, открыто, под знаменами двинулся к Яицкому городку. Потерпев неудачу в штурме Яицкого городка 19 сентября, отряд пошел по линии форпостов, овладел Илецким городком, 26 сентября Нижне-Озерной крепостью, на следующий день Татищевой и вечером 5 октября подошел к Оренбургу. Началась длительная его осада.

Здесь под Оренбургом, в Бердской слободе, стал складываться штаб восстания, где Зарубин занимал одно из ведущих мест. Он принимал активное участие в осаде Оренбурга вплоть до конца ноября 1773 г., когда покинул Берду, получив ответственнейшее поручение Пугачева. Но еще до этого Зарубин привлекался предводителем крестьянской войны для решения жизненно важных для всего повстанческого лагеря задач.

Когда в начале ноября 1773 г. пад восставшими нависла первая серьезная опасность в связи с приближением карательных правительственных войск под командованием генерала Кара, Зарубин был назначен одним из двух руководителей отряда (другим был войсковой атаман Овчинников), направленного навстречу карателям. Фактически это было первое серьезное сражение восставших с регулярными войсками, и закончилось оно сокрушительным разгромом правительственных отрядов, что надолго предопределило успешный ход крестьянской войны.

Овчинников и Зарубин, двигаясь во главе своего отряда навстречу генералу Кару, вошли в деревню Биккулову. Здесь Зарубин встретился с отрядом Соколова-Хлопуши, направлявшимся с Авзяно-Петровских заводов к Пугачеву. Часть людей и пушек Хлопуша передал Зарубину, и на следующий день, 7 ноября, разведывательная команда Зарубина, двигавшаяся по направлению к деревне Юзеевке, столкнулась с отрядом командира нижегородских гарнизонных батальонов секунд-майора Шишкина. После непродолжительного боя, сопровождавшегося перестрелкой из пушек, Зарубин отступил, а правительственные войска, к которым вскоре присоединился и основной отряд Кара, заняли деревню Юзеевку.

Утром 9 ноября войска под командованием Кара при выходе из деревни были окружены руководимым Овчинниковым и Зарубиным отрядом, насчитывавшим 1000 человек при 9 орудиях. Вначале артиллерия восставших метким огнем подавила артиллерию Кара, а затем их конница несколько раз успешно атаковала правительственный отряд, разгромила его, обратила в бегство и в течение 8 часов преследовала. Как видим, восставшие под руководством Овчинникова и Зарубина действовали напористо, умело и весьма целеустремленно, и это обеспечило им победу.

Вскоре, в конце ноября 1773 г., когда войско повстанцев под Оренбургом испытывало острую нужду в артиллерийских орудиях и боеприпасах, Зарубин был командирован Пугачевым в Уфимский уезд на Воскресенский завод для организации там литья пушек. Очевидно, благодаря действиям Зарубина и посланных ему в помощь двух яицких казаков — его двоюродного брата Ильи Ульянова и Якова Антипова — дело стало налаживаться: «заводские зачали уже лить чугуныя пушки». Однако Зарубину

удалось пробыть на Воскресенском заводе не более недели. Здесь его настигло «повеление», присланное Пугачевым из Берды, прибыть под Уфу и возглавить ее осаду, объединив силы осаждавших.

Ни один из сподвижников Пугачева не получал еще от него столь ответственного, сложного и столь всеобъемлющего поручения как по масштабам деятельности, так и по тем задачам, которые вставали теперь перед Зарубиным и которые он должен был разрешить.

Незадолго до этого (середина ноября 1773 г.) большой отряд численностью более 1000 человек, состоящий из башкир, татар, марийцев и дворцовых крестьян, направился в сторону Уфы с определенной целью — овладеть этим городом и разорить его. Инициатива, очевидно, исходила от самих башкир, а не от пугачевского штаба в Берде. Не русское население Башкирии вполне естественно стремилось к захвату и ликвидации основного центра царской колониальной администрации. К 27—28 ноября «город Уфа со всех сторон ... башкирцами и жительствовавшими около оного есапными татарами, помещичьими, дворцовыми и экономическими крестьянами окружен и ... сделался в осаде». Примерно тогда же во главе башкирских отрядов, подошедших к Уфе, встал один из крупных руководителей восставших башкир в первый период крестьянской войны, опытный военачальник, походный старшина Качкин Самаров, а во главе русских отрядов — уфимский казак Иван Губанов.

Однако в начале декабря, хотя русские крестьяне охотно примкнули к начавшим осаду Уфы башкирским командам, в лагере восставших возникли острые конфликты основанные на национальных трениях. Впрочем, такие эпизоды имели место и ранее, и не только под Уфой, но именно здесь они достигли большой остроты, которая отчасти объяснялась разрозненностью сил восставших в окрестностях Уфы и разобщенностью командования.

С этим было решительно покончено с приходом под Уфу 14 декабря 1773 г. Ивана Никифоровича Зарубина. Назначение Зарубина и предоставление ему чрезвычайных, можно сказать всеобъемлющих, полномочий на Урале было вызвано, очевидно, тем, что в условиях затянувшейся осады Оренбурга, в районе которого действовало Большое войско восставших, пугачевский штаб убедился в практической невозможности, а потому и целесообразности

разности руководства из одного центра развернувшимся на огромной территории восстанием.

Предписав Зарубину называться впредь графом Чернышевым (а настоящий граф Чернышев возглавлял в Петербурге Государственную военную коллегия), Пугачев тем самым создавал в районе Уфы второй центр по руководству восстанием, хотя и подчиненный формально Берде, но на деле оказавшийся вполне самостоятельным и деятельным. Этот новый центр, расположенный в районе интенсивной борьбы разрозненных малых и больших отрядов восставших, в которые часто входили представители разных социальных слоев и разных народностей, призван был объединить их действия, примирить возникающие в некоторых случаях противоречия, направить развернувшуюся стихию народного гнева на решение главных общих задач крестьянской войны — борьбу с царской администрацией, заводчиками, крепостниками, карателями. Очевидно, перед Зарубиным был поставлен и ряд конкретных задач, важнейшие из которых сводились к овладению Уфой и организации снабжения Берды.

Как оказалось, Зарубин наилучшим образом подходил для того, чтобы возглавить этот второй центр по руководству крестьянской войной и успешно решать многие из тех сложных и разнообразных задач, которые вставали перед ним в течение зимы и начала весны 1773/74 г. Едва прибыв вместе с Ильей Ульяновым в Чесноковку, Зарубин предпринимает ряд мер по ликвидации имевших место в этом районе национальных трений, с одной стороны, и по овладению городом Уфой — с другой. Он быстро сумел навести порядок, во всяком случае в войсках, осаждавших Уфу. Зарубин пытался также преодолеть возникающие время от времени национальные конфликты и в других районах восстания, подчиненных ему.

Так, уже 14 декабря он отправляет на Воскресенский завод «приказ» на имя походного старшины и «государева верного слуги Аисы», которым предписывалось «утверждать» «в хорошем порядке» не только своих подчиненных, но и всех, находящихся вокруг завода башкир, мишарей, татар, притеснявших и чинивших обиду даже поданным «Петра Третьего».

Стремясь ликвидировать наметившиеся конфликты и предотвратить их в будущем, Зарубин проявляет большую гибкость и политическую прозорливость. Он, в частности,

учитывая опыт и популярность, не отстрашил от командования башкирскими отрядами старшин Качкина Самарова и Канбулата Юлдашева, виновных в конфликтах, а подчинил их себе. В результате уже во второй половине декабря эти старшины в качестве представителей «графа Ивана Чернышева» (Зарубина) и его подчиненных активно действуют, привлекая башкир для пополнения армии восставших под Уфой.

В специфических условиях крестьянской войны 1773—1775 гг. Зарубин очень быстро превратился в фактического предводителя восставшего народа на территории Урала, Приуралья, части Западной Сибири, а его подчинение Берде становилось все более номинальным. Такое положение отчасти объяснялось трудностями связи между центром в Берде и отдаленными районами, концентрацией внимания Пугачева на решении главной, с его точки зрения, задачи — овладении Оренбургом и Яицким городком, а также полным доверием, какое питал Пугачев к Зарубину.

Каковы же были те проблемы, с которыми ежедневно и ежечасно приходилось сталкиваться Зарубину и его помощникам?

Разумеется, прежде всего на Зарубине лежало руководство осадой Уфы и организация ее штурма, с одной стороны, и руководство боевыми действиями на огромной территории через назначенных им атаманов, старшин, предводителей отрядов — с другой. Кроме того, чесноковскому центру приходилось заниматься формированием и вооружением отрядов восставших, учреждением новой, в частности выборной, гражданской администрации, наблюдением за охраной населения от мародеров, распределением продовольствия из казенных запасов, снабжением Берды боеприпасами, вооружением, продовольствием, укреплением отношений с представителями нерусских народов.

Естественно, что для ведения этих сложных и многообразных дел в Чесноковке должен был сложиться и быстро сложился штаб, своеобразный военный и административно-финансовый центр, работавший под постоянным руководством Зарубина. При организации чесноковского штаба Зарубин действовал сообразно тем порядкам, которые сложились в Берде и с которыми он был хорошо знаком. Фактически Зарубин превратил Чесноковку во

вторую Берду. Недаром и армия, осаждавшая Уфу, часто называлась второй армией.

Он окружил себя помощниками и вместе с ними решал все важнейшие дела. От его имени (точнее, от имени графа Чернышева) чесноковский штаб рассылал распоряжения, им же назначались полковники и атаманы. Для придания необходимого веса «наставлениям» и приказам, исходившим из Чесноковки, документы эти скреплялись печатью, на которой была надпись: «Графа Ивана Чернышева печать».

Дело, конечно, не в таких внешних атрибутах власти. Гораздо более важным было фактическое положение Зарубина и возглавляемого им центра. Его истинная роль не вызывала никогда никаких сомнений ни у участников и современников восстания, ни у историков, изучавших ход крестьянской войны. Даже такой враждебно настроенный по отношению к восстанию и восставшим историк, каким являлся Н. Ф. Дубровин, автор трехтомного труда «Пугачев и его сообщники» (1884 г.), признавал ум, самостоятельность и энергию Зарубина и констатировал, что он сделался полным хозяином Башкирии и прилегающих к ней провинций, фактическим руководителем всего Закамского края.

Несмотря на широту полномочий Зарубина и фактическую власть, которой он обладал, попытки восставших овладеть Уфой, не имевшей «крепостного строения», «да и никакого укрепления», не увенчались успехом, и Зарубин вынужден был перейти к длительной осаде города.

Еще до прибытия Зарубина под Уфу восставшие предпринимали неоднократные попытки овладеть городом без кровопролития, войдя в соглашение с его жителями. 30 ноября они предъявили требование о выдаче полковника и коменданта Мясоедова и воеводы Борисова «и ежели де они выданы будут, то с жителями ... драки, разорения никому чинить не будут». На следующий день это требование было повторено. 8 декабря Качкин Самаров с 500 башкирами передал городским властям письмо «на татарском языке» с требованием сдачи города, но получил отрицательный ответ. 10 декабря башкиры вызвали из города представителей для переговоров и вновь передали письмо аналогичного содержания. 12 декабря в Уфу были отправлены два агитатора, чтобы склонить горожан к добровольному переходу на сторону

восставших. С той же целью 13 декабря Иван Губанов отправил в город еще двух казаков, снабженных пугачевскими манифестами. Наконец, 14 декабря, т. е. в день приезда Зарубина в Чесноковку, 50 пугачевцев во главе с самим Губановым и цагайбацким сотником Еремкиным вступили в переговоры с осажденными и передали им копию приказа Пугачева.

Тем не менее неоднократные попытки восставших разрешить конфликт бескровно не дали положительных результатов. И тогда вставший во главе осаждавших Уфу отрядов Зарубин предпринял новую, ранее не практиковавшуюся, видимо, последнюю перед решающим штурмом попытку овладеть городом мирным путем. 19 декабря 48 жителей Уфы, захваченных в плен восставшими, были отпущены в город с поручением уговорить горожан сдаться «без драки». Лишь после этого три дня (20—22 декабря) Зарубин посвятил непосредственной подготовке к штурму. 20 и 21 декабря, по всей вероятности, производилась рекогносцировка, так как восставшие крупными силами (до 2000 человек) производили «около города объезды» и «делали примечание, где ... нападение учинить», а 22 декабря была организована атака, чтобы выявить оборонительные возможности осажденных.

И лишь 23 декабря Зарубин предпринял решительный штурм Уфы. Этому предшествовали не только попытки овладеть ею мирными средствами, но и усилия, направленные на пополнение отрядов, непосредственно занятых осадой Уфы, людьми, артиллерией, боеприпасами.

Еще в начале декабря, получив назначение под Уфу и двигаясь от Воскресенского завода к Чесноковке, Зарубин и его помощники «набирали людей», а на заводах брали порох и пушки. Когда Зарубин прибыл в Чесноковку, численность осаждавших Уфу отрядов едва ли превышала 4000 человек. Не прошло, однако, и десяти дней, и 23 декабря в первом штурме города участвовало уже около 10 тыс. человек. Были моменты, когда численность окружавших Уфу отрядов достигала 12 и, может быть, даже 15 тыс. человек. Зарубину удалось привлечь в эти отряды людей из разных районов Приуралья и Урала. Среди осаждавших Уфу были башкиры, мишари, татары, удмурты, чуваша со всех четырех дорог

Башкирии,⁸ дворовые люди, помещичьи и экономические крестьяне близлежащих и далеких сел и деревень, заводские крестьяне с Воскресенского, Верхотурского, Катавских, Ереденского, Симского, Белорецкого, Архангельского, Богоявленского и других заводов, табынские и нагайбацкие казаки, жители села Сарапул, солдаты, бежавшие со Стерлитамакской пристани, и многие другие.

Эти люди приходили сюда, под Уфу, чаще всего добровольно, узнав о готовящемся нападении на этот город из манифестов, указов, распоряжений и писем, рассылаемых в различные районы Урала и Приуралья от имени «графа Ивана Чернышева». Имели место, хотя и значительно реже, и принудительные мобилизационные меры. Чаще всего манифесты содержали призыв выслать «в самой крайней скорости . . . для противустояния против строящих в городе Уфе злодейства» «годных и достойных храбрых людей с трех домов по одному человеку» (а иногда «с каждого двора по человеку или з двух по одному») «со оружием и по одной добрыми лошедми и, сколько взять можно, съестными запасами».

Очевидно, авторитет «графа Чернышева» был столь велик, а решимость местного населения выступить под знаменами восстания столь определенной, что такого рода призывы, опирающиеся на распоряжения Зарубина, позволили ему сформировать сильную и боеспособную осадную армию, спабдив ее 25 пушками. Эта армия и предприняла под предводительством самого Зарубина первый штурм Уфы.

В 7 часов утра 23 декабря 1773 г. вокруг города начали собираться «силы и в большом числе многие толпы». Осажденные открыли по ним с пикетов пушечную пальбу. В ответ и восставшие открыли артиллерийский огонь «сперва от Чесноковки из-за Белой реки, а потом против Московского пикета», а вслед затем пошли на приступ. Разгоревшееся сражение было, как видно, весьма ожесточенным. Защитники города располагали по сравнению с осаждавшими небольшими силами (несколько более

⁸ Башкирия до конца XVIII в. делилась на четыре административные единицы, которые назывались дорогами. Западная часть Башкирии называлась Казанской дорогой, центральная и южная части — Ногайской, восточная часть — Сибирской, территория, тянущаяся узкой полосой к северу от города Уфы, — Осинской дорогой.

1100 человек), хотя и имели некоторое преимущество в артиллерии. Поэтому, а также и потому, что атака проходила со все возрастающей интенсивностью, обороняющиеся оказались вынужденными привлечь для отражения штурма не только «регулярные и нерегулярные команды», но даже и «канцелярских служителей», купечество и других горожан. Ценой крайнего напряжения сил к 3 часам дня штурм, длившийся таким образом восемь часов, осажденным удалось отбить, хотя был момент, когда город «такой крайней опасности . . . подвержен был», что восставшие «едва и в самый город не ворвались». По-видимому, этот бой не дал перевеса ни одной из сторон, так как осаждавшие потеряли убитыми всего около 30 человек. Впрочем, во время штурма восставшие лишились нескольких пушек.

Зарубину потребовалось более месяца, чтобы организовать новый штурм Уфы. За это время его армия в количественном отношении существенно пополнилась, хотя по-прежнему испытывала недостаток в артиллерии. Период с 23 декабря 1773 по 25 января 1774 г. характеризуется не только пополнением и укреплением армии восставших, но и новыми попытками склонить горожан к добровольной сдаче. И эти попытки не увенчались успехом.

В городе же в течение декабря—января назревал голод. Уже начала ощущаться нехватка хлеба. Особенно остро стоял вопрос о топливе и корме для скота. Поэтому уфимские городские власти стали предпринимать шаги по снабжению населения. Из Уфы систематически производились «в разные места высылки», чтобы заготовить вне города и привезти в него хлеб, дрова, сено и соль. Зарубин пытался воспрепятствовать этому и организовывал нападения на отряды осажденных, делавших вылазки из города. Все же полностью блокировать город восставшим так и не удалось. По-видимому, здесь сыграли роль сильные морозы и недостаточная дисциплинированность в войске. Кроме того, отряды, направляемые против регулярных команд, предпринимавших вылазки, несли в боях с ними большие потери.

Однако неблагоприятное положение осажденных и прекращающаяся агитация, организованная Зарубиным, оказали существенное влияние на многих участников обороны Уфы. Участилось бегство из осажденного города

отдельных его защитников и переход их на сторону восставших. Так, например, 4 января бежали к Зарубину, предварительно захватив лошадей, четверо дворовых людей премьер-майора Белавина. 6 января перебежал канонир из пикета секунд-майора Маршилова, 16 января к Зарубину явились «два разночинца», а 23 января из пикета сбежал купец Коровин.

Подготавливая новый штурм Уфы, Зарубин, очевидно, стремился держать ее защитников в постоянном напряжении. Этим скорее всего объясняются атака города сравнительно малыми силами (до 2000 человек), предпринятая 10 января, попытки повторить ее на следующий день и, наконец, периодические довольно интенсивные артиллерийские обстрелы.

В 8 часов утра 25 января 1774 г. войско восставших, насчитывающее около 12 тыс. человек, при участии и под руководством Зарубина начало второй решающий штурм Уфы. Зарубину удалось поставить свои пушки «не более как в двухстах саженьях» от города, а пехота и кавалерия «с ружьями, копьями, луками и стрелами», «с великим азартом и криком» атаковали обороняющиеся правительственные войска. Вначале было совершенно нападение на Казанский пикет, затем со стороны Чесноковки и вскоре на Ильинские и Фроловские ворота. Осажденным ценой огромных усилий удалось отбить атаки с трех сторон. С четвертой стороны (от Чесноковки) атаку возглавлял сам Зарубин, и именно здесь восставшие штурмовали особенно упорно, «усиленно» стараясь «в город ворваться». Лишь после того, как под Зарубиным была подстрелена лошадь, осажденные отбили и эту последнюю атаку. Так после десятичасового боя к 6 часам вечера закончился второй штурм города Уфы.

Неудача не повлияла на планы Зарубина, хотя ему больше не пришлось вести свои отряды на штурм осажденного города. Этому помешало приближение правительственных карательных войск, с которыми восставшие вели тяжелые кровопролитные бои. Возможно все же, что Зарубин, учитывая опыт двух неудачных штурмов, принял решение овладеть городом в результате длительной осады. Во всяком случае захваченные в плен участники восстания показали, что их руководители «намерение имеют ... город приступом взять, а буде и тем получить